

АЛЕКСАНДР АННИН

НЕ СОТВОРИ ДОБРА

Все в этой жизни шло очень даже неплохо у трех товарищей, трех замечательных молодых людей, вплоть до того дня, как... В недобрый час и при довольно курьезных обстоятельствах повстречался им «искуситель» — миллиардер Виктор Петрович. За кружкой пива, мимоходом, он загадал друзьям забавную и очень легкую на первый взгляд загадку. И дал срок — двое суток. Приз тому, кто верно ответит на пустяшный вопрос — миллион фунтов стерлингов. В этой жизни может произойти абсолютно все, только с разной степенью вероятности.

Александр Аннин

Не сотвори добра

Пролог

В баре было шумно и накурено, сизый косматый дым нежно обвивал зеркальный шар, медленно вращавшийся под потолком.

Они, как обычно, играли здесь в покер под водочку. По маленькой играли.

Конечно, азартные игры на деньги запрещены, тем более — в общественном месте, и бармену стоило бы подойти к четверке завсегдатаев, открыто попиравших закон. Вмешаться, испортить им всю обедню... Однако... Жизнь есть жизнь, как говорится. А бармен был человеком пожившим. И он прекрасно знал о добрых отношениях хозяина заведения с одним из игроков — породистым грузным дядькой, который, по слухам, был когда-то — кем-то — где-то там...

Бывший атташе советского, а затем — российского посольства во Франции Валентин Николаевич Мокеев с трепетом, листик за листиком, открывал полученный «стос». Он поднес ладонь к самым глазам, и теперь по миллиметру сдвигал пластиковые карты, обнажая лишь маркировку в левом верхнем углу.

Трое других игроков, сидевших за столиком, уже оценили свой расклад и теперь выжидающе смотрели на Мокеева. Самый молодой при этом то и дело переводил нетерпеливый взгляд на литровую бутылку водки — по договоренности, наливать разрешалось только после очередного круга.

— Ну и стос! — досадливо скривился Валентин Николаевич.

Партнеры не придали никакого значения недовольному восклицанию бывшего дипломата: Мокеев произносил эти ритуальные слова после каждой сдачи (стоса). Независимо от того, сильную карту получил или слабую.

На сей раз Мокеев не кривил душой. Две семерки, тройка, десятка, король. Жидковато для предстоящей рубки с тремя противниками. У какого-нибудь хмыря обязательно сложится или фульгент, или стрит. Вот если играть в покер один на один, тогда и с двумя семерками появляется шанс на успех. А так...

— Прикупайте, Валентин Николаевич, — поощрительно кивнул Мокееву директор местного зоопарка Пряслов. — Или вы пас?

Экс-атташе небрежно сбросил три карты, оставив две семерки. «Семь — хорошее число, счастливое, — подогревал себя Мокеев. — Чувствую, сейчас...»

В противоположном углу бара завязалось

выяснение отношений: двое приличных на вид посетителей с грохотом опрокинули свои стулья и теперь стояли лицом к лицу, намертво схватив друг друга за воротники рубашек. К ним уже спешил мускулистый охранник.

Мокеев снял с толстой, «классической» колоды три листика, снова принялся медленно их натягивать, всякий раз обмирая, когда в левом верхнем углу показывался черный или красный символ. Есть!

Сердце Владимира Николаевича сладостно заколотилось. Еще одна! Три семерки — вожделенное, счастливое для игрока число. Скорее, правда, когда речь идет об «одноруких бандитах» или рубке в «очко», а не о покере.

И все-таки это знак свыше. Его нельзя игнорировать, иначе сегодня вообще не повезет. И потому со своими семерками Мокеев будет сражаться до конца — то есть пока хватит денег. А надо, так и в долг можно сыграть.

Бывший дипломат мысленно перекрестился и тут же вспомнил о сыне. «Ах, если бы Генка молился за меня, за мою удачу! Без нее даже самый талантливый игрок обречен на провал. Но не станет Генка молиться, ведь картежников Церковь испокон веков осуждает».

Мокеев зорко следил за партнерами. Молодой аспирант областного университета Рябинин

ожесточенно сменил все пять листов, а толстый, страдающий одышкой детский шахматный тренер по прозвищу Яба прикупил одну карту. Дымил наставник будущих Каспаровых немилосердно, отчего и говорил сиплым, простуженным басом. Собственно, больше ничего мужского в Ябе не усматривалось: жидкие длинные пряди белесых волос, мощные жировые складки на груди и талии, рыхлое, бледное лицо придавали облику тренера что-то женоподобное. В общем, какое-то бесполое, бесцветное существо.

— Ваше слово, Валентин Николаевич, — бесцветным голосом произнес Пряслов.

— Так вы же еще не прикупали, Борис Ильич, — сощурился аспирант Рябинин.

— Я при своих, — чуть раздраженно бросил директор зоопарка. — Могли бы и не привлекать к этому всеобщее внимание!

«Значит, блефует, — удовлетворенно подумал Мокеев. — Слишком нарочито дает понять, что у него играют все пять листов».

— Сотня, — сказал экс-атташе, весело блестя глазами на Пряслова.

Блефовать мы тоже обучены, любезный Борис Ильич...

— Я бы пободался, конечно, — затянул свою извечную песню Яба. — Но лучше в другой раз. Как говорится, кто умеет ждать, тот получает все.

И грязно выругался. Матерился тренер через два слова на третье — видимо, таким незатейливым способом Яба рассчитывал придать себе хоть видимость мужского достоинства. При этом он так часто говорил «Я бы...», что из-за этой своей привычки и получил столь неблагозвучное прозвище.

Аспирант медлил, теребя нижнюю губу. Он вполголоса непевал: «С милым рай и в шалаше, если милый — атташе».

— Отвечаю, — наконец сказал Рябинин и кинул мятую купюру на середину стола.

Все смотрели на Пряслова.

— Сто и пятьсот сверху, — жестко провозгласил Борис Ильич, и две купюры аккуратно легли в банк.

«Точно блефует! — торжествовал Мокеев. — Хочет ошеломить таким резвым стартом».

Аспирант «отвалился». Понятно, в кармане — вошь на аркане. Финансы поют романсы...

Теперь бывший атташе и директор зоопарка сражались один на один.

— Еще пятьсот.

— Тысяча.

За соседним столом оживленно щебетали трое финнов. Они пили «Хейнекен» из высоких банок. Туристы? Или приехали на авиационный завод? Шут их разберет. Впрочем, последний свой самолет

завод выпустил четыре года назад. Значит, туристы. В этом старинном губернском городе есть что посмотреть.

Мокеев уже давно нигде не работал и жил исключительно на карточные доходы. Валентин Николаевич был одним из немногих здешних профессиональных игроков. Все знали, что Мокеев никогда не позволяет себе мухлевать, и потому бывший дипломат пользовался неизменным уважением и даже кредитом среди многочисленных партнеров по картишкам.

Когда на кону скопилось немногим более четырех тысяч рублей, Пряслов объявил, что соперники вскрывают карты.

— Ну, что там у вас, Валентин Николаевич? — напряженно спросил Пряслов, и Мокеев почувствовал смутную тревогу.

Он выложил своих семерок «чинно в ряд» и забарабанил пальцами по столу.

— Не пляшете, господин атташе, — облегченно вздохнул директор зоопарка. — Позвольте предьявить: каре!

У Мокеева зарябило в глазах при виде четырех разноцветных валетов. Пряслов неторопливо складывал деньги в стопочку.

— Елки-палки! — взорвался Мокеев. — И вы с такой фишкой ухитрились не раздеть меня догола? Трусливый вы все-таки человек, Борис

Ильич. И как только таким, как вы, удача прет... Да в Париже с такой картой я мультимиллионером стал бы!

— Так что ж вы не в Париже-то, а? — прозвучал злобный голос Рябинина. — Что ж вы тут с нами сидите-то, в этой глубокой российской заднице? Малые Козлюки, Большие Уздюли...

Аспирант с юных лет тяжело страдал из-за того, что его угораздило появиться на свет в этом среднерусском областном центре, который по воле злосчастной судьбы не выпускал способного математика из своих тисков.

— Одним словом, Мухосранск! — хохотнул напрочь лишенный фантазии Яба. — А я бы на вашем месте, Борис Ильич, прикупил одну карточку. Вдруг джокер пришел бы?

— А зачем? — меланхолично пожал плечами Пряслов, засовывая деньги в толстый бумажник.

«Дурак этот Яба, — неприязненно посмотрел на тренера Мокеев. — Да если б Пряслов поменял карту, я никогда не подумал бы, что он блефует. И не прокакал бы столько денег».

— На вас полнолуние действует, Валентин Николаевич, — аспирант сочувствующе положил руку на плечо Мокееву. — Это я вам как ученый говорю. Вы же обычно такой проницательный игрок...

— Я бы тяпнул на посошок и домой, ко

щам, — тренер грузно воздвиг свои телеса, плеснул себе полстакана водки.

Когда Яба ушел, директор зоопарка оглядел присутствующих:

— Может, и нам пора закругляться?

Пряслов был вполне доволен сегодняшним выигрышем и не хотел искушать судьбу.

Мокеев дрожащими пальцами нащупал в кармане сальную пятидесятидолларовую банкноту, припечатал ее к столу:

— Играем!

— По тридцать рублей за доллар, Валентин Николаевич, — прищурился Пряслов. — Согласны?

— Идет.

Впоследствии Мокеев жестоко укорял себя за то, что настоял на продолжении игры, и только из-за этого они не ушли из бара вместе с Ябой. Но, в конце-то концов, Валентин Николаевич — не ясновидящий...

К финнам, покачиваясь, подошел изможденный запоем, расхристанный мужик. Он немного помолчал и выговорил осипшим голосом:

— Ребят, оставьте пивка. А?

Финны непонимающе смотрели на пьянчужку. Резво приблизился вышибала, железной рукой схватил шаромыжника за шкирку и поволок его к выходу.

Когда пятьдесят долларов плавно

перекочевали в бумажник директора зоопарка, когда Мокеев накорябал расписку, что должен Пряслову еще три с половиной тысячи рублей, трое игроков засобирались по домам. Аспирант с сожалением смотрел на опустевшую бутылку. Ну что такое литр на четверых, ё-моё?

Рябинин проиграл совсем немного, и потому имел не столь бледный вид, как экс-атташе.

— Может, еще закажем бутылочку? — с надеждой оглядел он партнеров.

Но Пряслов заторопился:

— Извините, господа, я побегу. А вы как хотите.

— Ну и мы двинемся...

Они вышли из бара и директор зоопарка тут же скрылся в темной, шелестящей листвой аллее.

— И впрямь полнолуние, — пробормотал Валентин Николаевич, задрав голову.

В черном небе, посреди разливающейся лужи молочного света, стояла луна — круглая и золотая, как церковный дискос.

Тоскливый, многоголосый вой прорезал тишину ночи.

— Что это? — испуганно дернулся аспирант.

— А волки воют, — буднично отозвался бывший атташе и зевнул, клацнув челюстями. — На луну воют, как им и положено. Тут же зоопарк в двух шагах.

— Прямо мороз по коже, бр-р... — поежился Рябинин и в самом деле застегнул верхнюю пуговицу своей ветровки. — Прощайте, господин Мокеев.

Они разошлись в противоположные стороны, но не прошло и пяти минут, как снова столкнулись нос к носу у входа в бар.

— Что это вы, мсье атташе? — весело глянул на Мокеева аспирант.

Валентин Николаевич смутился: он «заныкал» тышчонку и теперь вернулся к бару, чтобы тяпнуть грамм двести в одиночестве. Как выяснилось, аналогичная мысль пришла в голову и молодому Рябинину.

— Черт с вами, я угощаю, — махнул рукой аспирант. — Вы ж на мели... Пойдемте, махнем по стопочке.

— Только по одной!

— Ну естественно, — усмехнулся Рябинин.

Ограничиваться ста граммами аспирант, вне всякого сомнения, не собирался.

— Сюда! — послышался срывающийся крик из глубины аллеи. — Скорее сюда! Рябинин, Мокеев!

Они замерли, инстинктивно сомкнувшись плечами.

— Сюда! — надсаживался голос Пряслова. — Да где ж вы, дьявол бы вас побрал!

Когда Валентин Николаевич и аспирант подбежали к плотно сбитой фигуре директора зоопарка, темнеющей среди деревьев, тот яростно рвал листья клена и тер ими ладони.

Возле ног Пряслва белел распростертый Яба. Он лежал с открытыми глазами, а тяжелые руки сомкнулись на животе.

Сквозь пальцы обильно выступала кровь, казавшаяся в лунном свете почти черной.

— Мертвый, — чужим голосом сказал Пряслов и отвернулся.

Валентин Николаевич повел взглядом и содрогнулся. Чуть поодаль от трупа шахматного тренера, прямо из земли, в небо смотрело какое-то нечеловеческое лицо. Экс-атташе осторожно подошел поближе.

В молочно-белом свете полной луны поблескивала гляncем картонная морда поросенка Наф-Нафа.

Глава первая

В последний день июля, душный и солнечный, внутри небольшого старинного храма Ильи Пророка царил живительная прохлада. Пахло талым воском, сырой штукатуркой, свежеструганными сосновыми досками.

Вдоль стен, вплоть до самого купола,

громоздились строительные леса. Сквозь тяжелые металлические брусья кое-где можно было различить остатки древней росписи — потемневшие, покрытые пятнами плесени лики святых, небесную колесницу, с которой грозный старец с развевающейся седою бородой метал карающие молнии, а поодаль — овец и ягнят, столпившихся у ложа новорожденного Спасителя.

О том, что церковь действует и регулярно собирает прихожан, говорил фанерный иконостас перед алтарем, с наклеенными бумажными иконами; решетчатые царские врата из толстых реек, занавешенные красной тканью; два высоких металлических подсвечника перед изображениями Богородицы и Господа Вседержителя.

Иеромонах Герман, в миру — Геннадий Валентинович Мокеев, двадцатипятилетний шатен с печальными голубыми глазами, аккуратно постриженными усами и бородкой, восседал во главе дощатого стола в притворе храма. Его длинные густые волосы были стянуты на затылке резинкой; поверх нового, хорошо отглаженного подрясника сверкал наперсный крест. Черный клубок отец Герман положил рядом с собой на стол.

По обеим сторонам стола на деревянных лавках ёрзали два мальчика и две девочки, все — лет по девять-десять. Еще один отрок, на вид чуть помладше, стоял напротив иеромонаха и сбивчиво

пересказывал домашнее задание.

— Много-много лет назад, очень давно, родилась легенда о пеликане... о пеликанах...

«К Успенью не успеть, — размышлял отец Герман, поглядывая на строительные леса, — к Покрову не покрыть проплешины штукатуркой. А уж о подновлении фресок и думать нечего. А иконостас? Епархиальная мастерская берется сделать за пятнадцать тысяч долларов. Это самый дешевый, между прочим. Хорошо, полы ремонтировать не надо, мраморные плиты положены на века...»

— Если птенцам пеликана нечего было есть, — продолжал мальчик, — то пеликан своим клювом разрывал себе грудь. И кормил птенцов своей плотью и кровью. Как Христос.

«Пойти к архиепископу? Бухнуться в ноги, взмолиться: «Владыка, смилуйся...». Нет, не даст. Благословит, посочувствует, посетует на трудности, но денег не даст. И дело даже не в храме, не в малочисленности постоянных прихожан. Дело в личности настоятеля. Молод ты больно, Гена, то бишь отец Герман. Сколько заслуженных, маститых протоиереев стоят в длинной очереди к епархиальной казне! Все с митрами на головах, с наградными крестами на груди, а кое-кто и с посохом... Вот только попробуй, заявишь к владыке со своими финансовыми проблемами — сразу

прослыл выскочкой... Да уже прослыл, чего уж там!»

— Поэтому пеликан стал символом самопожертвования, настоящей дружбы и христианской любви, — скороговоркой выпалил отрок.

«Умный мальчик этот Никита, — думал отец Герман. — Какая лексика, какая грамотная речь! И это в восемь-то лет. Вот что значит интеллигентная семья. Надо будет поговорить с родителями, хорошо бы его служкой при храме устроить».

Мокеев-младший знал, что кое-кто в епархиальном управлении называет его, настоятеля храма Ильи Пророка, «молодым, да ранним». И в таком отношении вовсе не было одобрения.

Еще бы: четверть века отроду, а уже получил собственный приход. Позади — очное обучение в Сергиево-Посадской семинарии, диплом с отличием. И после каких-то полгода службы рядовым иеромонахом в Троице-Сергиевой лавре — должность настоятеля по месту прописки.

Пусть храм небольшой, пусть полуразрушенный, только-только переданный государством в руки Православной Церкви. Пусть! Все это не так важно с точки зрения карьеры. А карьера иеромонаху Герману, по мнению все тех же ревнивых недоброжелателей, предстояла стремительная.

Как говорится, дай-то Бог...

— ... И поэтому летящего пеликана часто рисовали на иконах, — закончил мальчик свой рассказ.

— Молодец, Никита, — с чувством похвалил ученика отец Герман. — Дети, на сегодня занятия в нашей воскресной школе закончены. В следующий раз мы продолжим разговор об истории икон.

Он поднялся со стула, и вслед за ним повыпрыгивали из-за своих лавок мальчики и девочки; шумно переговариваясь, они гурьбой побежали к выходу.

Настоятель хотел было окликнуть их, чтоб вернулись: по церковной традиции, после учения следовало пропеть «Достойно есть». Но передумал.

Вместо этого отец Герман прокричал вслед своим ученикам совсем другое:

— Дети! Будьте осторожней на улице. Вы ведь знаете, что творится в городе.

— Зна-аем! — веселым ребячьим хором отозвалось удаляющееся эхо.

Глава вторая

— Ну что, за рыбой?

— За рыбой, конечно...

— Куда? К Абрамычу?

— Естественно!

Рыбный магазин на центральной улице города с недавних пор стал местной достопримечательностью. Новый хозяин, которого все именовали попросту — Абрамыч, сделал скромное торговое заведение уникальным в своем роде.

По натуре прижимистый, Абрамыч, однако, не скупился на имидж. Понимал: эти расходы вернутся сторицей. Широкая витрина магазина была превращена им в огромный плоский аквариум, в нем день и ночь сонно плавали серебристые карпы. При виде этих отъевшихся рыбин у прохожих невольно текли слюнки. А над входом в магазин вместо стандартной вывески «Рыба» появились алые пластиковые буквы — «ПЕЛИКАН».

Дети чуть не силком тянули своих родителей к сказочной витрине, где колыхались диковинные водоросли, сияли разноцветные стеклянные шары и громоздились подводные рифы. А с наступлением темноты вывеска вспыхивала багровым светом, бросая жутковатые отблески на маленькое озерное царство.

Кровавые неоновые огни охватывали протуберанцем фигуру пеликана, укрепленную над витриной под прямым углом. Это был веселый, довольный своей жизнью пеликан. «Я питаюсь рыбой, и потому вполне счастлив», — говорил весь

его вид.

В воскресный день, в пору обеденного пекла, к самому большому в городе «аквариуму» подошли трое молодых людей. Все они были в стильных брючках и модных рубашках с коротким рукавом. Один, стройный голубоглазый шатен с аккуратной бородкой и усами, привлекал внимание длинными волосами, убранными в пучок. Другой, долговязый брюнет, своей внешностью и мимикой здорово смахивал на американского артиста Джорджа Клуни (похоже, специально тренировался, чтоб копировать звезду экрана). А третий, невысокий русоголовый крепыш, был явно чем-то озабочен: он то и дело хмурился, беззвучно шевеля губами.

На зеленой, стеклянной двери магазина «Пеликан» болталась лаконичная вывеска:

«Обед».

— Ну что, Гена, я же говорил — как раз в перерыв попадем, — озабоченный крепыш досадливо повернулся к бородатому шатену.

— Да ладно тебе, Серега, — беззаботно махнул рукой долговязый брюнет. — Уж нам-то Абрамыч откроет.

— Бог тебе в помощь, Леха, — пожал плечами бородач.

Брюнет приткнулся лбом к стеклу, стал всматриваться в полутемный зал магазина. То и дело глаза ему застилала серебристые рыбы

тушки.

Но вот сквозь толщу воды проглянула необъятная фигура хозяина. Он семенил ко входной двери, делая знаки, что видит незаурядных визитеров.

От нечего делать озабоченный крепыш Сергей, не переставая шевелить губами, принялся читать объявление, прикрепленное скотчем к стеклу витрины. Скорее, это было даже не объявление, а воззвание, набранное на компьютере огромными, жирными буквами:

**«ГРАЖДАНЕ! В
ГОРОДЕ ОРУДУЕТ
МАНЬЯК-УБИЙЦА.
ИЗБЕГАЙТЕ БЕЗЛЮДНЫХ
УЛИЦ В НОЧНОЕ ВРЕМЯ.
БУДЬТЕ ПОСТОЯННО
БДИТЕЛЬНЫ. ГОРОДСКАЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ».**

— Везде повешали, — буркнул крепыш недовольно.

Дверь в магазин распахнулась, на пороге радушно улыбался Абрамыч.

— Боже ж ты мой, всемогущий Яхве! — возгласил гигант. — Какие уже люди! Прошу, прошу...

— Здорово, Абрамыч.

Троица нырнула в торговый зал, за ними пошлепал к прилавку верзила-хозяин. По пути на свое привычное место у кассы он декламировал, не переставая:

— Природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни...

На широком прилавке громоздился стеклянный шар-аквариум, в котором плавали десятки карпов.

— Рыбки? — коротко спросил Абрамыч.

— Рыбки, — важно кивнул долговязый Алексей, изобразив ироничную улыбку Джорджа Клуни.

— Скока? Кило?

— Давай два. Да не больно крупных.

— Знаю-знаю, — хитро ухмыльнулся рыботорговец.

Он достал из-под прилавка короткий сачок и принялся ловко вылавливать податливых карпов. Поставил пакет на электронные весы.

— Как в аптеке, — с довольным видом кивнул Абрамыч. — Мне, парни, даже совестно с вас деньги брать. Честное слово. А ведь я потомственный еврей. Жид, можно сказать. Каково, а?

Хозяин повернулся к русоголовому крепышу.

— Серега, с тех пор, как ты мне этого пеликана над входом соорудил, мой оборот вырос

на семь процентов! Можешь себе представить?

— Могу, — вздохнул Сергей.

Не до Абрамыча было ему сейчас, не до его рыбьих доходов... И пошел он с друзьями лишь в надежде развеяться, стряхнуть напряжение последних дней.

— Слыхали, ночью наш маньяк-то... — Абрамыч почесал кончик носа. — Еще одного зарезал.

— Слыхали, — скривился Алексей. — Я как раз в приемном покое дежурил, когда его привезли. Он уж почти совсем остыл... Нет бы сразу в морг.

— Восьмой труп, между прочим, — продолжал хозяин магазина. — Хороший был клиент, этот шахматный тренер, любил рыбкой побаловаться.

— Соболезнуем тебе, — Алексей протянул верзиле несколько купюр, тот, глянув мельком, кинул их в ячейку кассы. Протянул ходивший ходуном пакет.

— Спасибо, доктор. И... Передавайте уже от меня поклон уважаемому Якову, — с почтеньем молвил властелин рыбьего царства.

Геннадий (он же — иеромонах Герман) досадливо поморщился.

— Яшке, Абрамыч. Яшке. И вообще, друзья мои... Негоже называть птицу человеческим именем. Тем более — именем святого апостола

Иакова. Абрамыч, ведь и у вас, иудеев, насколько мне известно, имя праотца Иакова в большом почете.

— Тем более! — гигант за прилавком патетически поднял указательный палец. — Почет и уважение сей благословенной птице. Я готов его даже по отчеству величать. Если таковое, конечно, имеется... И только на «вы»!

— Еще бы, — усмехнулся Алексей. — Ни один человек не приносит тебе столько прибыли, как этот хромой пеликан Яшка.

Глава третья

Про местный зоопарк говорили разное. Слухами и фантастическими домыслами обросло это общенародное заведение. Вот ведь что удивительно: казалось бы, не притон какой-нибудь, не кладбище, не музей восковых фигур и даже не баня с тайными ночными увеселениями нуворишей. Всего-то навсего стандартный городской парк в четыре с половиной гектара, с вольерами да рукотворным озерцом, где лениво ворочался бегемот...

Но за годы своего существования зверинец не переставал быть одной из главных тем для городских кумушек, равно как и для завсегдаев здешних пивнушек. И диковинные зверюги

обсуждались при этом в последнюю, так сказать, очередь. Больше всего аборигенов интриговала личность отца-основателя зоопарка, а точнее — скрытность и тайна, которые эту самую личность окутывали. Ни журналисты местной газеты-сплетницы, ни городские всезнайки, ни работники администрации не могли толком сказать, из каких таких миров на город лет этак десять назад вдруг свалилось неслыханное пожертвование — больше миллиона настоящих американских долларов. Вместе с означенной суммой явился Бог весть откуда и ее распорядитель, действующий от имени спонсора-благодетеля, пожелавшего остаться инкогнито. Сей-то гражданин по фамилии Пряслов и объявил, что денежки пожертвованы на конкретные цели, а именно — для создания в городе своего собственного зоопарка.

Тяжко досадовали мэр и его помощники на такое сумасбродное волеизъявление анонимного толстосума: в городе надо дороги ремонтировать, три школы на ладан дышат. Да много чего... А тут, извольте ли видеть, зоопарк. Ну ладно бы, храм построил неведомый миллионер, тут все понятно — нынче модно отстегивать на Церковь от трудов неправедных. Известно, что большинство крупных воротил — народец суеверный... Но нет, не возжелал последовать общему примеру таинственный доброхот. Оригинальничает, что ли?

К тому же городское начальство томилось нехорошими предчувствиями. А ну как станет зверинец очередной обузой для тощего бюджета? А ну как выяснится, что за пресловутым инкогнито скрывается личность неправильная? Прямо скажем — одиозная личность?

Пряслов успокоил, как мог. Дескать, содержание зоопарка, выплату окладов сотрудникам — все это берет на себя вышеупомянутый инкогнито. И вовсе никакой он не одиозный, а просто — скромный человек, захотевший остаться в тени. Ведь он родился и вырос в этом городе, в детстве оч-ченно любил зверушек, мечтал побывать в зоопарке. А его тогда в областном центре не было. Теперь будет. На радость нынешнему поколению мальчишек и девчонок.

Отсутствие достоверной информации — мощнейший допинг для работы фантазии. Толковали, будто прибыл из-за границы престарелый князь, когда-то, еще до революции, появившийся здесь на свет. Но хоронится до поры, не объявляется землякам, потому как есть у него в городе некая тайная миссия...

Другая версия была куда более популярной среди жителей. Сказывали, что некий заядлый игрок однажды поймал за хвост птицу-удачу, выиграл баснословные деньжищи на ипподроме.

И по обету, данному сей волшебной птице во время скачек, сотворил в родном городе зоосад.

Кстати, вот почему в зверинце так много диковинных пернатых...

Но отвернулось, мол, счастье от столь щедрого к своему городу баловня судьбы, улетело, ровно та же птица. И уж который год не дает он денег ни на содержание своего зоопарка, ни на зарплату его работникам. Пришлось-таки раскошелиться местному тощему бюджету, сбылись нехорошие предчувствия отцов города... Вот и подумывает Пряслов вкупе с городской администрацией: а не пора ли распродать всю живность — ну, скажем, в другие зоопарки или даже в частные руки, а территорию убыточного зверинца сдать в аренду под строительство своего маленького Лас-Вегаса — игорно-развлекательного центра? Правда, телевидение вбросило информацию, что правительство планирует запретить казино и все прочие игровые залы по всей Руси-матушке, оставить азартным согражданам только какую-то небольшую зону где-то там на юге... Но в это мало кто верил. Утка! Деза! Да разве ж такое возможно в нашем разлюбезном Отечестве? Матерые казинщики не отдадут свой бизнес, скинутся и убогачат хозяев страны. Так что слухи о карательном законопроекте — не что иное, как банальное

набивание цены. И свой маленький Лас-Вегас в провинциальном городе таки будет.

Что ж, если верить легенде об ипподромном происхождении здешнего царства фауны, то подобная концовка затянувшейся эпопеи с зоопарком выглядела бы вполне логично.

Тут, правда, нехорошее дело приключилось: где-то месяца три назад, аккурат в полнолуние, кто-то зарезал большую антилопу. Труп грациозной животинки обнаружили рано утром, и много недобрых слов было высказано тогда по адресу «живодера Пряслова». Мол, изводит директор негодных для продажи Божьих тварей, торопится ликвидировать зоопарк и взяться за свой Лас-Вегас. Да только в следующее полнолуние начались в городе странные убийства, которые милиция стала приписывать некоему маньяку, личности едва ли не инфернальной. Восемь трупов уже, и, между прочим, никакой связи между покойничками при жизни не наблюдалось. И вот что характерно, граждане-товарищи: все жертвы, судя по конфигурации ранений, зарезаны тем же самым холодным орудием, что и несчастная антилопа. Таким образом, общественные претензии к Пряслову по поводу убиения беззащитного животного были как-то сами собой сняты.

Но зачем, скажите на милость, маньяку приспичило залезать в зоопарк и начинать свои

кровавые подвиги с парнокопытного? А?

Тут-то и смекнули догадливые граждане и гражданки: антилопа, стало быть, понадобилась злодею для тренировки. Мол, проверить себя хотел, не дрогнет ли рука, не сожмется ли от жалости сердце. Видать, не сжалось, не екнуло.

И все-таки странный какой-то получался маньяк: охотился он вовсе не за сексапильными красотками, а за женщинами под сорок и старше. Только один раз сделал исключение — отправил на тот свет детского шахматного тренера. При этом ни одна из убитых изнасилована не была, что, в общем-то, вполне объяснимо: привлекательностью, в общепринятом смысле этого слова, жертвы уж точно не отличались.

Стали было искать убийцу среди мужиков, от которых ушли сорокалетние жены, да толку из этого вышло мало. То есть просто никакого толку.

А что убийца форменный псих, так это было совершенно очевидно. Каждый раз на месте душегубства он оставлял улику. И какую улику! Прямо триллер, да и только: веселенькую картонную детскую маску. То волчонок, то поросенок...

В народе, да и в следственных органах маньяка уже окрестили «Зайчонком» — это была маска, оставленная на месте самого первого убийства. Убийства, совершенного в клетке с

больной антилопой.

Глава четвертая

— Ну ешь, клювастый!

Крохотная девчушка в модном комбинезончике сердито просовывала рыбку-леденец в ячейку сетки-рабицы. Разомлевший от жары большой серый пеликан меланхолично взирал на девочку, не проявляя ни малейшего интереса к столь несъедобному угощению.

— Ну ешь!

Стоявшая рядом юная мама (а кто ж еще, если не мама?) погладила кроху по русой головке:

— Видишь, птичка сытая, ее здесь хорошо кормят.

— Я хочу туда, он из руки у меня возьмет! — канючила пятилетняя отроковица.

За спиной кто-то звучно рыгнул. Женщина брезгливо и слегка испуганно обернулась.

В двух шагах от нее покачивался раздатчик корма, небритый дядька совершенно неопределенного возраста, в замызганном дерматиновом фартуке и стоптанных шлепанцах. Никакого корма, впрочем, в руках долговязого птичника не усматривалось.

— Ишь ты какая! — улыбнулся девочке

бывший человек. — Да он тебя целиком заглотит. Знаешь, какой у него мешок под клювом?

Оценив добродушнейшую физиономию начальника пернатых, женщина успокоилась.

— Гражданочка, — не меняя выражения лица, молвил птичий кормилец нараспев, — вы что же, не видите объявления?

И он начал методично тыкать пальцем в табличку:

— Здесь же ясно написано: «Уважаемые посетители! Кормить животных строго запрещается!» А?

— Так он же не стал, — автоматически начала оправдываться гражданочка.

— За это, между прочим, штраф полагается, — многозначительно продолжал гнуть свое долговязый.

Женщина беспомощно оглянулась по сторонам. В этот солнечный воскресный день в зоопарке было полно праздношатающей публики. Благодушествующие родители покупали своим чадам разноцветные шары, толпы созерцателей сгрудились возле клетки со львами и на бережку пруда, где холмистым островком возвышался исполинский бегемот... Лишь здесь, на аллее с водоплавающей и ластоногой птицей, было совсем безлюдно. Правда, шагах в полусотне юная мама узрела троицу молодых парней, явно

направлявшихся в ее сторону, однако женщина почему-то решила, что на их заступничество рассчитывать не приходится.

Она вдохнула чудовищный запах перегара, исторгаемый птичником, взглянула на готовую разреветься девочку и решительно полезла в сумочку за кошельком. Между тем пеликан со скучающим видом поплелся к небольшому водоемчику в центре обширного вольера, заметно припадая на правую ногу и слегка раскинув свои метровые крылья.

— Сколько? — сердито спросила симпатичная жертва вымогательства.

— Стошка, — с готовностью ответил долговязый и пояснил: — Сто рублей. Я на эти деньги пеликану настоящего корма куплю, будьте покойны.

— Да уж вы купите, как же! — взорвалась гражданочка. — Знаю я, что вы купите...

Внезапно птичник, все внимание которого было устремлено на извлеченный из сумочки бумажник, ойкнул и пошатнулся.

— Привет, тетка! — весело молвил очутившийся за спиной вымогателя Алексей, и его сходство с Джорджем Клуни стало просто разительным.

— Здравствуйте, доктор, — пробурчал раздатчик корма, потирая ушибленное плечо. —

Тяжелая у вас рука...

Рядом с Алексеем стояли Сергей и Геннадий. Сергей моментально оценил ситуацию:

— Ты вот что, хорош обирать посетителей, — он строго смотрел на опустившегося мужика, выразительно сжав кулак.

«Ну врежь ему, давай!» — мысленно призывала Сергея незнакомка.

— А я что? Я что? — затараторил служитель фауны. — Вот гражданочка захотела пожертвовать денег на корм пеликану...

— Ах поже-ертвовать, — с деланным пониманием покивал головой Алексей. — Добровольно, то есть? Ну-ну...

Женщина, которой на вид было никак не больше двадцати двух, машинально поправила блондинистую прическу, глядя на красавца Алексея долгим, чуть насмешливым взглядом. Он, наверное, замечательно танцует, прочему-то мелькнуло у нее в голове.

— Возьмите, — небрежно протянула она сторублевую купюру страждущему птичнику, продолжая неотрывно смотреть в глаза молодому доктору.

Девочка между тем восхищенно уставилась на Геннадия:

— Когда я вырасту, у меня будут такие же длинные волосы.

Птичник спохватился, вытянулся по струнке.

— Здравствуйте, батюшка. Благословите.

И он четко, под прямым углом, склонился перед Геннадием, положив правую ладонь поверх левой. Пастырь небрежно начертал над головой «овцы» крестное знамение, не протянув, однако ж, руку для целования. Знать, побрезговал...

— И ты будь здоров, — кивнул иеромонах повеселевшему вымогателю. — Давай, веди.

Раздатчик корма резво посеменял отпирать вольер пеликана.

Глава пятая

— Ирина, — протянула Алексею руку незнакомка.

Алексей слегка пожал кончики ее пальцев.

— Алексей. К слову сказать, врач-кардиолог, спец по делам сердечным. Извините, руки рыбой пропахли... А дочку как зовут?

— Юлечка. Только это не дочка. Я... В общем, я ее воспитательница.

Пеликан, сильно хромая и широко, словно для объятий, раскинув крылья, уже спешил навстречу своим друзьям.

— Ну, пока, — кивнул Ирине Алексей, и вся троица вошла в распахнутую калитку вольера.

— Пока-пока, — помахала ему девушка и

склонилась над своей подопечной.

«А она очень даже ничего», — мысленно резюмировал Алексей и тут же нахмурился: негоже предаваться такого рода помыслам накануне официального предложения, которое он собирался сделать Наде не далее, как завтра.

Схожие оценки вызвала незнакомка и у Геннадия, и, опять же, подобно Алексею, он посуровел. Только совсем по другой причине, нежели его приятель-врач: красивая, броская — значит, стерва. Да все они стервы, хоть двадцатилетние, хоть сорокалетние. Правильно поет известная певичка... «Все мы, бабы, стервы». Сорокалетние еще отвратительней, поелику успели вдосталь попить крови мужчинам. Впрочем, какая ему-то разница, что за дело? Монашеский обет, слава Богу, навсегда оградил иеромонаха Германа от бабских посягательств.

Меж тем юная воспитательница достала из сумочки пачку тонких, длинных сигарет, прикурила элегантно жестом. Иеромонах скривился: он на дух не переносил курящих женщин. Пожалуй, он их и за женщин-то не считал.

Лишь Сергей никак не отреагировал на аппетитную фигурку молоденькой няни. Да попадись ему сейчас на аллее зоопарка хоть... Ну хоть Кэтрин Зета Джонс собственной персоной, хоть Анжелина Джоли — Сергей лишь скользнул

бы по ее контуру своим потусторонним взглядом. Все его мысли были заняты предстоящим испытанием...

Завтра, можно сказать, решается вся его жизнь... В смысле — профессиональная карьера. А это, как ни крути, все-таки самое главное для каждого настоящего мужика. Дело надо делать, друзья-товарищи, вот что. Дадут ли ему заниматься своим делом, улыбнется ли Фортуна, подхватит ли его на своих волшебных крыльях?...

Пеликан захлопал крыльями, нежно сжимая мощным клювом запястье Геннадия.

— Здоровается, — ласково сказал иеромонах. И не удержался: — Яшка...

Подошли Алексей и Сергей, и Яшка поочередно подержал их протянутые руки своим клювом. Из-за ограды за происходящим ревниво наблюдала девочка Юля.

— Я тоже туда хочу! — захныкала она, дергая воспитательницу за юбку. — Почему дядям можно, а мне нет?

— Деточка, дяди, наверное, здесь работают. Пойдем, пойдем дальше. Впереди еще много интересного...

При этом она думала не о клетке со львами, а о молодом докторе, так похожем на Джорджа Клуни.

Собирать свою коллекцию масок ОН начал с пятилетнего возраста. Тогда их район только застраивался, и новоселам частенько приходилось с риском для жизни и здоровья форсировать многочисленные траншеи по непрочным дощатым настилам.

ОН нашел у подъезда потерянный кем-то большой «бородатый» ключ и стал говорить пацанам во дворе, что ключик этот — от потайного хода. А там, в подземелье — скелеты и чудовища. Его стали упрашивать показать потайной ход, в существовании которого никто из ребятни даже не сомневался: ключ был мощнейшим аргументом. Соседский мальчишка принес в уплату за «экскурсию» картонную маску румяного, мордастого пионера в алом галстуке... Другие пацаны подхватили этот почин, и вскоре у него было уже семь масок — поросят, зайцев, волков...

Делать нечего, пришлось вести замирающих от любопытства и страха приятелей к подземному царству мертвых. Долго шли по дну траншеи, как вдруг ОН хлопнул себя по лбу:

— Я вспомнил! Сегодня же у него выходной...

— У кого?

— У потайного хода!

Такое объяснение было воспринято с полным пониманием. А на следующий день явились

строители и засыпали траншею...

Маски он друзьям так и не вернул, оставил себе. А там и родители, благосклонно отнесишься к увлечению сына, стали на всякий праздник дарить ему простенькие картонные рожницы с прорезями для глаз...

Коллекция пополнялась несколько лет кряду.

— Держи, тезка. Радуйся жизни.

Алексей протянул птичнику полиэтиленовый пакет, в котором легко угадывались очертания бутылки. Долговязый благодарно принял сей дар, вытащил водку из пакета, с чувством поцеловал округлый бок. Засунул во внутренний карман своей давно не стиранной робы.

— Выпей за наши успехи, — мрачно молвил Сергей.

— Выпью, конечно, — охотно согласился кормилец пернатого поголовья. — Только у вас, я вижу, и без того все в порядке.

Геннадий подошел к узкой деревянной лохани, и серебристый поток полуживых карпов устремился в кормушку. Пеликан Яшка уже ковылял к своему излюбленному и, пожалуй, единственному лакомству.

— Да, ребята, — покачал похмельной головой служитель. — Если б не вы, пропала бы птица. Намедни директор опять пургу гнал.

— Пряслов? — зачем-то уточнил Геннадий.

— Ну да.

— Шайтан! — в сердцах бросил Алексей.

— Это точно. Мол, и окрас у него нестандартный, не по породе. И хромает. Зря мол, вольер занимает и корм переводит. Мол, извести его надо, один убыток только, да и не продашь. Короче, вашего Яшку с довольствия снимать собираются.

Геннадий задумчиво почесал бородку.

— Может, мне сходить, поговорить с ним?

— Э-э, — обреченно махнул рукой птичник. — Думаете, батюшка, он Бога боится? Как бы не так. Нехристь, одно слово. Картежник, ети его мать...

При этом определении иеромонах невольно вздрогнул, заторопил друзей:

— Леш, Сереж, я уже окончательно изжарился в этом пекле. Пошли, что ли?

Они вышли на аллею, за спиной лязгнула калитка, а Геннадий все продолжал говорить, деловито насупясь:

— Так, мужики, кто завтра кормит Яшку? У меня послезавтра престольный праздник, Ильин день. Мне готовиться надо, дел невпроворот...

«Говорить о чем угодно, лишь бы свернуть с этой проклятой карточной темы!» — ожесточенно думал иеромонах.

— А я... — Сергей прерывисто вздохнул. — Завтра должно окончательно решиться насчет выставки.

— В Венеции? — отстраненно спросил Алексей; он думал о своем, и думки эти были одновременно и тревожными, и радостными.

— Ну да... Соберется, понимаете ли, компетентная комиссия...

В голосе Сергея слышался неприкрытый сарказм.

— Да что тут гадать, я могу прийти, — очнулся Алексей. — Закончу в три и сразу сюда. Через Абрамыча, само собой.

— Ну, тогда, слава Богу, все в порядке. Но с Яшкой все равно надо как-то решать. Не сможем же мы постоянно, каждый день сюда мотаться. Даже если по одному.

Сергей подмигнул иеромонаху:

— Готов держать пари, что завтра Леха придет к Яшке не один.

Геннадий отреагировал на шутку весьма серьезно:

— Леша, я надеюсь, венчаться вы будете в моей церкви?

— Да хватит вам, прекратите! — смущенно выкрикнул Алексей.

Настоятель храма Ильи Пророка лукаво усмехнулся:

— Ах, раб Божий Алексей... Как же ты «любосластными недугами погубил ума красоту»!

— Что-что?

— Это цитата из канона Андрея Критского, а не что-что, — с напускной суровостью отвечивал отец Герман.

Алексей испытывал странное облегчение от того, что разговор скатился на шутивную околоцерковную стезю. Он, кардиолог, бывший в своей короткой практике свидетелем множества мучительных смертей, тушевался как мальчик, если речь заходила о его личных сердечных делах.

Подобно тому, как Алексею были неприятны разговоры о его взаимоотношениях с Надеждой, так иеромонаху Герману претили всякие упоминания о карточной игре. Слишком уж роковую роль сыграли пресловутые «карты-картишки» в судьбе его родителей. А значит — и в его судьбе... Как знать?...

Если бы испитой раздатчик корма, никчемный, ничтожный человечиска, не произнес по адресу директора Пряслова емкого определения «картежник», то иеромонах Герман, в миру — Геннадий, не стал бы торопить друзей, и они проторчали бы в вольере пеликана Яшки еще как минимум полчаса. И тогда их жизнь продолжала бы идти своим чередом, со всеми, так сказать, радостями и горестями.

Но слово было произнесено, время сместилось на эти злосчастные полчаса, и вместе с этим сдвигом перекосилась вся дальнейшая судьба троих школьных друзей.

Глава шестая

— Пролой ночью Зайчонок опять человека зарезал. Между прочим, я его знал — ну, убиенного-то... У меня сынишка к нему в шахматную секцию ходил. Только я его оттуда забрал. Зашел как-то, увидел этого толстого Фишера с сигаретой в зубах, все помещение прокурено. И сказал себе: э, нет, обойдемся мы и без шахмат...

Пожилой дядька шумно отхлебнул пива. Его визави, такая же похмельная особь мужеска пола, исподлобья глянул на собеседника:

— Да какая хрен разница, маньяк зарезал или кто другой. У нас и безо всяких маньяков ночью на улицу не высунешься. Расплодили бандитов...

В баре стоял густой креветочный дух, сдобренный характерным для подобных заведений запахом пролитого и закисшего пива. Свободных мест в этот жаркий дневной час не наблюдалось, и взмокшие официанты едва успевали разносить по столам целые грозди запотевших пивных кружек.

— Отсюда в двух шагах и зарезал, —

продолжал отец юного шахматиста. — У ограды зоопарка.

— У нас вся жизнь — зоопарк... — буркнул ни к селу ни к городу его скептически настроенный приятель.

Геннадий, Сергей и Алексей блаженствовали за столиком у окна, выходявшего на тенистую аллею. Уже было выпито по две кружки освежающей пенной благодати, оприходовано блюдо с отборными тигровыми креветками; уже официант услужливо взгромоздил перед друзьями очередную батарею ледяных кружек, аккуратно поставил на стол второе блюдо с креветками, на сей раз «классическими», но тоже отборными, заботливо накрытыми стеклянным колпаком...

И все бы хорошо, да только одно совершенно ненужное обстоятельство немного стесняло друзей. А именно — поджарый, спортивного вида субъект с резкими, прямо-таки медальными чертами лица, пристроившийся к ним за столик. Впрочем, спортивный вид этого дядечки в первую очередь был обусловлен новенькими тренировочными шортами и футболкой, в которых сей субъект и заявился в пивную.

И Бог бы с ним, с этим поклонником бега трусцой, ничем он особо-то нашим друзьям не мешал, сидел себе, помалкивал, задумчиво цедя одну-единственную кружку пива под небольшую

тарелочку с креветками. Да вот возьми да приключись с означенным бегуном конфуз, и конфуз прямо-таки донельзя неприличный.

Официант Вова уже которую минуту нетерпеливо переминался с ноги на ногу, стоя над душой у поджарого, и, соответственно, над троими приятелями. А тот все шарил по карманам своих шорт, и вид у него был, скажем так, нерадостный... Гнетущая тишина повисла над столиком.

— Нехорошо получается, уважаемый, — с упреком сказал официант Вова.

— Н-да, нехорошо, — рассеянно согласился странный посетитель. — Сейчас, сейчас...

Алексей вздохнул: положительно, сегодня такой день, что ему приходится платить из своего кармана за всех!

— Не переживай, Вова. Сколько с него? — доктор поднял глаза на официанта.

— Триста пятьдесят рублей.

— Ну так запиши на наш счет, и дело с концом.

— Как скажете, — пожал плечами Вова и двинулся прочь.

— Нету денег — сиди дома, — донеслось до приятелей назидательное ворчанье официанта.

Глава седьмая

— Ну спасибо, ребята, спасли от позорища, — улыбнулся незнакомец.

— Такое с каждым может случиться, — сухо ответил Геннадий.

— Черт-те что! — досадливо покрутил головой спасенный от конфуза. — Я, знаете ли, уже давно привык обходиться без денег, то есть без наличных. Не помню, когда последний раз их в руках-то держал. Вот и...

— Хорошо так жить! — мечтательно заметил Алексей.

Сергей смотрел на поджарого неприязненно. Было видно, что он ждет не дождется, когда же наконец этот халявщик уберется восвояси.

— Хорошо-то хорошо, да как бы это сказать... — незнакомец, видимо, был расположен поболтать. — Иногда так хочется вспомнить студенческие годы, посидеть в дешевой пивной, вдохнуть запахи пива, креветок... Здорово!

— По жизни вас, видимо, окружают совсем другие запахи, — насмешливо бросил Сергей. — Не столь приятные.

— Да, вы правы, — согласился поджарый с беззаботным видом. — Например, запах металла пополам с машинным маслом. Смерть как надоед.

— Вы что-то ремонтируете? — спросил Геннадий из вежливости.

— Нет. Просто... Так на жаре пахнут

автоматы Калашникова. Со мной рядом почти все время двое телохранителей с автоматами.

Алексей с наигранным изумлением издал протяжный свист, и сразу несколько голов повернулись в их сторону.

— Никак не могу к ним привыкнуть, — продолжал незнакомец. — Сегодня во время пробежки я от них просто слинял. Сюда, в бар. И как назло — без денег. Пекло, знаете ли, действует отупляющее.

За столом возникла неловкая пауза.

— Меня зовут Виктор Петрович, — «беглец» протянул ладонь насупленному Сергею. — Вы, кажется, Сергей? Архитектор, как я слышал из вашего разговора. Почтенная, доходная профессия.

Сергей, чуть оттаяв, неловко пожал протянутую руку.

— Если точнее, то я архитектурный дизайнер-технолог. Вот так замысловато.

— Серега у нас истинный гений, — встрял Алексей. — А доходы гениев, как сами понимаете, весьма и весьма призрачны. Он ведь не коттеджи для нуворишей строит, он у нас в облаках витает.

— Точнее — плавает в воде, — уточнил Геннадий. — Представляете, Сергей изобрел дома из воды! То есть стены — это сплошные водяные потоки. Регулируемые.

— Регулируемые потоки — это мне

понятно, — кивнул Виктор Петрович, и всем стало ясно, что он имеет в виду потоки финансовые. — Сергей, ваше изобретение — это очень интересная штука. Советую срочно запатентовать.

— Да-да! — воодушевился архитектор. — Представьте себе: в доме можно создать любую атмосферу, лишь изменив температуру и состав водяных стен.

От былой неприязни к новому знакомому у Сергея, похоже, не осталось и следа.

— Потом, смотрите... — дизайнер-технолог полез в карман, пытаясь нащупать хоть какой-то клочок бумаги.

— Ну, понесло! — махнул рукой Алексей. — Серега, хорош грузить человека. Тебе что, нас мало? Ты что, репетируешь свои выступления в Венеции?

И пояснил Виктору Петровичу:

— Скоро Серега везет макет своего водяного дома на международную выставку в Венеции.

— Ну, это еще бабушка натрое разлила, — пробурчал довольный зодчий.

Алексей лопатой протянул руку новому знакомцу:

— А меня зовут Алексей, я врач-кардиолог в областной больнице.

Виктор Петрович с уважением пожал его ладонь.

— А Геннадий у нас — служитель культа, — доложил Алексей. — Монах, между прочим.

— Иеромонах, — поправил друга Геннадий.

— Понимаю, — кивнул Виктор Петрович. — То есть вы монах-священник.

— Верно. Геннадий — это мое мирское имя, Сережа и Леша меня так зовут по старинке. Привыкли. Мы ведь какое-то время в одной школе учились. А вообще-то мое монашеское имя — Герман. Отец Герман. Служу в Ильинской церкви. Послезавтра у нас престольный праздник, приходите.

— К сожалению, вряд ли получится, — покачал головой Виктор Петрович. — Дела.

— Дела... И чем же вы изволите заниматься в этом безумном мире, Виктор Петрович? — поинтересовался Алексей.

— Я? Решаю всякие головоломки.

— Это круто, — сказал Сергей.

— Еще как! — согласился Виктор Петрович. — А главное — прибыльно.

— Тю-ю! — протянул Алексей. — Ну так задайте нам какую-нибудь головоломку. Глядишь, и мы разбогатеем.

— Что ж, извольте, — задумчиво оглядел друзей Виктор Петрович. — Только смотрите, потом не пожалейте.

— А разве мы чем-то рискуем? — поднял

бровь Геннадий.

— Не знаю — не знаю... Впрочем, слушайте.

Глава восьмая

— Как-то раз в гостиничном ресторане за одним столиком сошлись трое командированных, — начал неспешно излагать свою загадку Виктор Петрович. — Они познакомились, выпили, закусили. Пришло время расплачиваться.

При этих словах Виктора Петровича друзья недвусмысленно переглянулись.

— Н-да... Я ваш немой намек понял... Так вот, официант уже подсчитал, что с троих, вместе взятых — двадцать пять рублей. И решил нагреть командированных на пятерку, сказал, что с каждого — по червонцу.

— Славное было времечко! — вмешался Алексей. — На десятку можно было посидеть в ресторане, выпить, закусить...

— Да мы тогда еще пешком под стол ходили, так что нечего ностальгировать, — одернул друга Сергей.

— Молчу, молчу, — покаянно сложил руки кардиолог.

— Я продолжаю, — сказал Виктор Петрович. — Ну, командированные скинулись по